

С. С. Беляков

**Ф. М. и А. Г. Достоевские
в зеркале бытового национализма:
по материалам дневника А. Г. Достоевской**

Вопрос о сущности понятия «интеллектуальная история» представляется мне довольно-таки спорным. Как правило, сначала возникает новое явление, и лишь затем оно обозначается с помощью нового понятия. Здесь же мы сталкиваемся с обратным: в оборот введен термин, но неясно, существует ли явление, которое он должен обозначать. Предлагаемые трактовки понятия «интеллектуальная история» различаются радикально: от новой исторической субдисциплины до новой исследовательской методологии. Существующее положение, к сожалению, весьма характерно для гуманитарных наук: один и тот же термин обозначает различные, не связанные друг с другом явления. Так, трактовки понятия «ноосфера» у Тейяра де Шардена и у Вернадского (здесь оба мыслителя выступали не как представители естественных наук, а как философы, следовательно, гуманитарии) практически не имеют друг с другом ничего общего. Вообще, терминологический плюрализм в гуманитарных науках, в том числе в истории, принес неисчислимые беды. Вместо того чтобы вести исследования реально существующих феноменов, ученые вынуждены вступать в бесконечные споры о понятиях. Но единственный способ покончить с этим плюрализмом — прийти к соглашению о сущности интересующего нас понятия, дать строгую дефиницию, а для этого необходима опять-таки дискуссия, призванная способствовать выбору оптимального определения. Как я уже отметил, явление все-таки предшествует обозначающему его термину, следовательно, единственно возможный путь для выбора дефиниции — обозначение термином «интеллектуальная история» явления, еще не получившего конкретного определения.

Предлагаю собственный вариант. Известно, что поведение человека во многом определяется иррациональными импульсами

и такие явления, как симпатия и антипатия, также имеют загадочную, иррациональную основу. В то же время само поведение человека, даже спровоцированное этими импульсами, в большей или меньшей степени рационально оправдано, точнее — оно получает оправдание на уровне сознания, рационализируется. «Я пошел из пункта А в пункт В не просто потому, что меня что-то к нему повлекло, а в силу таких-то причин». Сами причины, однако, придумываются уже задним числом. Процесс рационализации импульсов бессознательного привлекал исследователей со времен Фрейда. Но психоанализ — это лишь частный случай феномена рационализации иррационального. Другим случаем может считаться феномен националистических идеологий, которые, как правило, имеют основу в так называемом бытовом национализме (см. ниже). Если предметом интеллектуальной истории станет именно проблема рационализации иррационального, перехода импульсов бессознательного на уровень сознания, то, на мой взгляд, ученые обретут одну из наиболее перспективных областей для исследования. Она поможет понять глубинную сущность такого загадочного явления, как ксенофобия, поможет понять, почему одна теория находит в обществе отклик, а другая остается достоянием узкого круга интеллектуалов и т. д. Таково наше понимание интеллектуальной истории. Разумеется, о складывании особой, специфической методологии интеллектуальной истории говорить рано. Ее формирование — дело будущего.

Проблема бытового национализма и гипотеза о том, что именно иррациональная неприязнь к чужому, рационализируясь, создает основу для формирования националистической идеологии, как я уже отметил, лишь частный случай феномена рационализации иррационального, но именно к нему мы и обратимся в данной работе.

Национализм — явление сложнейшее. К сожалению, исследователи нередко упускают из виду то, что национализм — это не только идеология и политическая практика, но и своеобразное умонастроение, во многом определяющее поведение людей на обыденном, бытовом уровне. Известно, что многие межэтнические конфликты возникают именно на бытовом уровне

и лишь затем получают «идеологическое обеспечение» или вовсе обходятся без него (еврейские погромы в Южной России и на Украине в XIX — начале XX в., украинско-русско-немецко-польская межэтническая война в Галичине и на Волыне в 1940-е). Даже в тех случаях, когда создание идеологии, основывающейся этнические чистки, предшествует возникновению межэтнического конфликта (Босния и Герцеговина в 1915—1918 гг., независимое государство Хорватия в 1941—1945 гг., Хорватия, Босния, Герцеговина, Косово в 1990-е), широкомасштабную межэтническую войну вряд ли можно отнести только на счет политиков и идеологов, «разжигавших» конфликт. Более глубокое исследование межэтнических отношений не только времени самого конфликта, но и предшествовавшего ему мирного периода позволит, возможно, продвинуться в изучении интересующего нас феномена.

Истоки межэтнических конфликтов, по нашему мнению, лежат в бытовом национализме — иррациональной, необоснованной неприязни представителей одного этноса к другому этносу. Разумеется, исследование такого сложного феномена, как бытовой национализм, требует привлечения широкого круга источников и применения специальных методов изучения (которые еще только предстоит разработать), междисциплинарного подхода, работы на стыке наук. Подобная задача под силу разве что коллективу исследователей, а то и научному институту. Наша задача скромнее: рассмотреть феномен бытового национализма на персональном уровне. Сознывая, что экстраполяция данных подобного исследования на изучение взаимодействия этносов, генезиса межэтнических конфликтов невозможна, мы, однако, полагаем, что данное исследование могло бы служить составной частью изучения феномена национализма и межэтнических конфликтов в целом и феномена бытового национализма в частности. Данное исследование может также помочь в разработке рабочих гипотез для исследования тех или иных аспектов проблемы бытового национализма (в том числе генезиса межэтнических конфликтов). Кроме того, подобное исследование способно дать новые материалы к изучению деятельности личности, ставшей объектом исследования. В этой

связи наиболее интересным будет изучение поведения при меж-этническом контакте личности, имеющей всемирную известность. Это обстоятельство, а также имеющаяся в нашем распоряжении источниковая база определили выбор объекта исследования. Наша работа посвящена великому русскому писателю Федору Михайловичу Достоевскому и его жене, Анне Григорьевне Достоевской (в девичестве — Сниткиной), их контактам с представителями других этносов, их отношению к другим народам (главным образом, к немцам и швейцарцам). Временные рамки нашего исследования ограничены начальным периодом знаменитой заграничной поездки супругов Достоевских (1867—1871 гг.): с апреля 1867 по декабрь 1867 г. включительно. Именно этот период пребывания за границей нам лучше всего известен благодаря дневнику, который вела Анна Григорьевна. Следует отметить, что поездка 1867—1871 гг. примечательна тем, что супруги Достоевские не просто путешествовали по Европе, но в течение длительного времени жили в Германии, Швейцарии, Италии и, следовательно, более тесно контактировали с местным населением, чем во время последующих поездок Достоевского на германские курорты.

Основным источником для данного исследования послужил дневник Анны Григорьевны. Надо сказать, что дневник — это едва ли не идеальный источник для изучения внутреннего мира человека, его чувств, эмоций, переживаний, мотивов, двигающих им; искренних, «неретушированных» взглядов, воззрений, оценок. Дневник, изначально не предназначенный для публикации, не подвергшийся цензуре (в том числе и «внутренней») — исключительный по своей откровенности и информативности источник. Дневник А. Г. Достоевской представляет особую ценность. Будучи профессиональной стенографисткой, Анна Григорьевна успевала отразить в дневнике даже мимолетные чувства, настроения, мысли, переживания. К тому же стенографические записи были непонятны другим людям (в том числе и мужу), что способствовало большей откровенности автора.

Дневник Анны Григорьевны состоит из трех тетрадей («книжек») стенографических записей. Считается, что существовала

и четвертая «книжка», которая, однако, утрачена¹. Из трех сохранившихся «книжек» только первая и третья дошли до нас в оригинале. Вторая «книжка» утрачена. Остался лишь расшифрованный А. Г. Достоевской в 1896—1912 гг. текст, подвергшийся существенной авторской правке. Сама Анна Григорьевна расшифровала две первых «книжки». Таким образом, первая «книжка» дошла до нас и в оригинале, и в позднейшей редакции, вторая — только в позднейшей, третья — только в оригинале².

В 1923 г. расшифрованный текст двух первых «книжек» был впервые опубликован³. Полное академическое издание сохранившейся части дневника, где первая и третья части были изданы по оригиналам, расшифрованным Ц. М. Пошеманской, а вторая — по тексту позднейшей редакции, было осуществлено в 1993 г., в серии «Литературные памятники»⁴.

Хронологически сохранившаяся часть дневника охватывает период от выезда из Санкт-Петербурга 14 апреля 1867 г. по 31 декабря 1867 г. Дневник состоит из ежедневных, часто весьма пространных записей. Иногда между записями встречаются перерывы в несколько дней. В третьей «книжке» подневные записи чередуются с воспоминаниями Анны Григорьевны об обстоятельствах знакомства с Федором Михайловичем (с. 300—313, 315—319, 320—322, 332—334). Записи, относящиеся к декабрю 1867 г., заметно короче предыдущих (некоторые из них состоят из одной — трех строк). Постепенно Анна Григорьевна охладела к ведению дневника, а хлопоты, связанные с рождением ребенка (21 февраля 1868 г.), и стенографирование нового романа (Федор Михайлович в это время работал над «Идиотом») поглотили все свободное время и вынудили ее прекратить дальнейшее ведение дневника.

Тематика дневника в целом характерна для этого жанра: описание распорядка дня, каждодневных событий, происшествий и т. п. Дневник изобилует бытовыми подробностями. Помимо автора, главным героем дневника является Федор Михайлович: его высказывания, поступки, описания взаимоотношений с ним автора дневника занимают центральное место. Это позволяет нам не только изучать взгляды, чувства, эмоции

Анны Григорьевны, но и, опосредованно, Федора Михайловича.

Интересующая нас тема — отношение четы Достоевских к иностранцам, занимает в дневнике сравнительно скромное место. Она представлена по большей части очень краткими, хотя и сравнительно многочисленными (особенно в первых двух «книжках») высказываниями, заметками. Это неудивительно: Анну Григорьевну занимали, прежде всего, сложные отношения с гениальным, но мрачным и раздражительным супругом, в то время как немцы и швейцарцы были для нее, скорее, «элементом ландшафта». Анна Григорьевна не задавалась целью изучить быт и нравы немцев. Впрочем, от этого дневник лишь выигрывает как источник: перед нами предстает не исследователь, а «рядовой» участник межэтнического контакта, который лишь попытался записать свои наблюдения и впечатления.

Следует учитывать, что Анна Григорьевна находилась под сильным влиянием супруга и перенимала многие его оценки и суждения. Вместе с тем она, несомненно, являлась цельной, волевой личностью, а то обстоятельство, что ее суждения нередко совпадали со взглядами Федора Михайловича, свидетельствует, прежде всего, о схожести взглядов, вкусов, эмоциональных порывов, что естественно для супругов, чей брак оказался счастливым и прочным.

Поездка началась 14 апреля 1867 г., супруги выехали из Петербурга в Вильно, а оттуда поездом направились в Берлин, ставший первым заграничным городом, где они ненадолго остановились (17—18 апреля). 18 апреля они выехали в Дрезден, где задержались до 21 июня⁵. Из Дрездена Достоевские направились в Баден-Баден. Баденский период (22 июня — 11 августа) стал наиболее драматичным временем заграничной поездки. Недостаток денег, вызванный проигрышем Достоевского в рулетку, заставил отложить намеченную поездку в Париж⁶ и предпочесть жизнь в менее дорогой Женеве. По дороге из Базеля в Женеву супруги заехали в Базель (12 августа). Женевский период путешествия продолжался с 13 августа по май 1868 г. Дальнейшие события поездки выходят за хронологические рамки нашего исследования, поэтому я позволю себе

ограничиться лишь перечислением мест, где Достоевские побывали в период с весны 1868 по июнь 1868 г.: Вена (лето 1868), Милан (осень 1868), Флоренция (зима 1868 — лето 1869), Венеция, Прага (осень 1869), Дрезден (осень 1869 — июнь 1871).

Известно, что всякому путешественнику полезно знать язык той страны, которую он почтил своим посещением. Не зная языка, он рискует попасть в затруднительное положение. Так и случилось с супругами Достоевскими: дневник Анны Григорьевны изобилует жалобами на то, что они с Федором Михайловичем не могли толком узнать у немцев дорогу. При этом чета русских путешественников сетовала не на собственное недостаточное знание языка, а на глупость непонятливых немцев. В первый же день своего пребывания в Дрездене путешественники отправились к модистке покупать Анне Григорьевне новую шляпку, но заблудились, так как «какая-то немка показала в совершенно противоположенную сторону» (с. 11). Ситуация повторилась на следующий день, когда супруги решили посетить галерею — посмотреть полотна Тициана и Гольбейна. Вновь немка показала им в «совершенно противоположенную сторону», что вызвало гнев у раздражительного автора «Двойника» (с. 12). Та версия, что немки оба раза показывали дорогу правильно, но их просто не поняли, очевидно, не приходила в голову путешественникам. Другой раз Достоевские остались недовольны тем, что в ресторане, где они обедали, не оказалось мороженого. Келнер повел их в кондитерскую: «Долго толковал, но показал опять-таки, по немецкому обыкновению, не туда» (с. 23). Неудивительно, что уже в первые дни путешествия Анна Григорьевна сделала следующий вывод: «Вообще, если немца что-нибудь спросить, то он, во-первых, ничего не поймет, а во-вторых, непременно соврет дорогу» (с. 12).

Языковые проблемы не исчезли и позднее. Однажды супруги решили отобедать в заведении с несколько странным названием «Биржевой зал и литературный кабинет» и спросили два обеда: «Нас сначала вообще не поняли (ужасно глупы эти немцы). Я должна была долго растолковывать, что мы желаем», — пишет Анна Григорьевна (с. 17). Нелегко было делать

даже небольшие покупки: «...решительно не понимают, о чем мы спрашиваем», — жалуется она (с. 108). «И все у немцев так, — вновь делает вывод Анна Григорьевна, — никогда ничего хорошенько не поймут» (с. 119).

Почему же немцы не понимали Достоевских? Может быть, им неверно показывали дорогу по незнанию? Возможно, но не всякий же раз. Значит, проблема все же в недостаточном знании языка. Немецкий, в то время деливший с французским место одного из основных языков международного общения, знали оба супруга. Другой вопрос, насколько хорошо? Анна Григорьевна учила немецкий в училище Св. Анны в Петербурге, а затем — в Мариинской гимназии. В дневнике сама Анна Григорьевна не раз упоминает (видимо, не без удовольствия) о том, как хвалили немцы ее знание языка Гете и Шиллера (с. 22, 230). Но встречаются и замечания другого рода: немка, с которой Анна Григорьевна плыла на пароходе по Эльбе, заметила, что та «не привыкла разговаривать по-немецки» (с. 48). Умение спросить дорогу и «базарный» язык для магазинов и лавок относятся к основным языковым навыкам. Судя по дневнику, Анна Григорьевна владела ими далеко не в совершенстве. Федор Михайлович знал язык еще хуже (с. 115, 157, 208). Вряд ли Анна Григорьевна не отдавала себе отчет в том, что похвалы ее немецкому были, скорее всего, лишь комплементами и что ее знания в этой области далеки от совершенства. И все же она не только обвиняет конкретных, встреченных ею немцев в глупости, но и делает широкие обобщения: глупы все немцы, глуп народ! Глупость немцев для нее нечто естественное, не подлежащее сомнению. Заметим, такой вывод делает не купец-самодур с Охотного ряда, не мещанин-черносотенец или неграмотный мужик. Его делает умная, образованная, вполне «передовая» дама, и ее мнение разделяет гениальный писатель, один из умнейших людей своего времени.

Не только плохое знание языка, но и непонимание местных обычаев заставляет Анну Григорьевну вновь и вновь повторять свой тезис: «Немцы так глупы, что невыносимо: прибьют надпись [о том, что сдаются меблированные комнаты. — С. Б.] к воротам дома, а не позаботятся прибить такую и к дверям.

<...> немцы ужасно бестолковы, до крайности» (с. 11). Не нравится ей и немецкая вежливость: «Странная манера у этих немцев благодарить за поступки», — пишет она (с. 36). Раздражение вызывают и особенности, детали быта. К примеру, Анне Григорьевне не понравился звон колоколов в Баден-Бадене: «...не то, что у нас в Петербурге: когда звонят, так просто сердце радуется. Нет, это какой-то нехороший звон... Даже неприятно слышать, именно немецкий звон» (с. 206). Конечно, непривычный звон может легко вызвать неприязнь. Но здесь, на мой взгляд, принципиально важно то, что Анна Григорьевна специально подчеркнула: неприятный ей звон — звон немецкий.

Несмотря на молодость, Анна Григорьевна обладала задатками хорошей, расчетливой хозяйки. В ее дневнике мы найдем множество упоминаний о том, сколько стоили найм квартиры, новая шляпка, фунт вишен. Немало найдем и жалоб на дороговизну. Некоторые из них весьма примечательны. Вот в Баден-Бадене она купила пирожок с орехами: «...за пирожок просят 6 кг. [крейцеров], около 6 копеек, это довольно дорого: у нас в лучших булочных продают за 5 копеек» (с. 175). Еще большее возмущение вызвала дороговизна клубники в Дрездене: «Это просто возмутительно дорого. Это точно как у нас, у Елисеева» (с. 87). Следовательно, с точки зрения Анны Григорьевны, русский коммерсант имеет право торговать по высоким ценам, а немецкий, очевидно, нет. Незначительное на первый взгляд обстоятельство чрезвычайно важно, ведь это не что иное, как образец так называемого двойного стандарта. О двойном стандарте можно говорить, если одно и то же действие по-разному оценивается в зависимости от того, своим оно совершено или чужим. Двойной стандарт — не порок, он естественен, изначально присущ самой природе человека. К примеру, если русский солдат на войне убивает немца — мы считаем его героем, если немец убивает русского — он враг, он преступник. Итак, двойной стандарт — один из основных, базисных принципов человеческих взаимоотношений. Это безошибочный индикатор, отделяющий своих от чужих. В нашем случае Анна Григорьевна прощает высокие цены русским, не прощая их

немцам. Более того, высокие цены служат для нее доказательством того, что немцы не только глупы, но алчны и нечестны: «Ох уж эти немцы, — ничего даром не покажут, за все заплатить нужно непременно» (с. 165). «Просто ужас какие неслыханные цены. Вот эта немецкая честность!» — возмущается жена писателя ценами в Баден-Бадене, известном курорте, где к тому же была рулетка, собирались люди с капиталом и, следовательно, аккумулировались немалые деньги. Цены, как известно, определяет рынок. Если покупатель готов платить — значит, торговцу нет резона их снижать. Обвинять его в нечестности несправедливо. Но Анна Григорьевна считает иначе. Про кучера, взявшего с Достоевских больше, чем следовало, сказано: «Немец и тут воспользовался, хоть на грош да украл» (с. 114). Неудивительно, что примеры настоящего мошенничества воспринимались Достоевским как неопровержимое доказательство нечестности немцев: «...эта немка нас все-таки обманула на 3 pfen. [пфеннига]... Уж эти мне немки», — сказано про официантку в кондитерской (с. 86). Другой раз Федор Михайлович, повздорив с торговцем, не добавшим ему сдачу, заявил, что «нигде нет столько мошенников, как в Германии» (с. 229). Опять-таки Достоевские переносят вину в отдельных случаях мошенничества на всех немцев, на весь народ Германии. Все познается в сравнении. Надо ли доказывать, ссылаясь на бесчисленные свидетельства источников, включая и художественную литературу (в том числе произведения самого Достоевского), что в России также было немало мошенников? Ограничусь примером из нашего источника. Анна Григорьевна упоминает о том, что в одной из дрезденских библиотек, где книги выдавали под залог, библиотекарь без разговоров вернул ей залог. Едва ли не впервые Анна Григорьевна довольно скуппо похвалила немцев, заметив, что «русский бы не так сделал, а непременно бы залог на что-нибудь да употребил» (с. 82–83). Как видим, невозвращение залога (весьма наглое мошенничество), очевидно, было в то время в России в порядке вещей, однако ни Анне Григорьевне, ни Федору Михайловичу не приходило в голову обвинять русских во врожденной нечестности. Зато нескольких случаев обсчета оказалось вполне до-

статочно для того, чтобы объявить немцев народом плутов и мошенников. 28 июня (10 июля) в Баден-Бадене Достоевский посетил И. С. Тургенева. В ходе беседы, протекавшей не особенно дружелюбно, автор «Преступления и наказания» заявил, «что он в немцах только и заметил, что тупость, да кроме того, очень часто обман» (с. 131).

Неприязнь Достоевских к немцам была столь сильна, что ничтожного повода было достаточно для того, чтобы вывести их из себя и обрушить на головы немцев новые обвинения. В городском саду Баден-Бадена супруги увидели памятник Шиллеру, который представлял собой простой камень с высеченной на нем надписью «Бессмертному Шиллеру город Баден». Анна Григорьевна категорически отвергает предположение о том, что немцы могли поставить памятник Шиллеру из искреннего восхищения творчеством автора «Разбойников». Нет! С ее точки зрения это не более чем стремление не отстать от «городов просвещенных», «показать, что они интересуются и уважают гения», да еще и сделать это с минимальными затратами: «Это очень хитрая выдумка, которая только и может быть придумана немцами... Меня это просто возмущает...», — пишет Анна Григорьевна (с. 210).

Неприязнь Достоевских вызывал даже внешний облик немцев. Дневник содержит совсем немного высказываний о внешнем облике немцев и швейцарцев, зато они не только весьма выразительны, но и носят характер обобщений. Так, однажды увидев Иду, горничную, которая прислуживала Достоевским, когда те жили в меблированных комнатах, и которую Анна Григорьевна и без того величала не иначе как «немецкой харей» и «эдакой рожей» (с. 28, 76), в очках и узнав, что та носит их с шестнадцати лет, русская путешественница вспыхнула: «Ведь эдакая подлая страна: кривые, хромые, безголосые, ничего не видящие, просто ужас...» (с. 85) Эта вспышка похожа на прорыв давно копившегося раздражения. Раздражения по поводу внешнего облика немцев? Не знаю. В моем распоряжении нет данных, позволяющих судить о том, были ли русские здоровее немцев или нет. Замечу лишь, что сама Анна Григорьевна хорошим здоровьем отнюдь не отличалась. Двадцатилетняя женщина

постоянно жаловалась на разнообразные недомогания. Судя по дневнику, редкий день для нее обходился без новых болячек. На состоянии здоровья Федора Михайловича, который помимо эпилепсии страдал целым рядом других заболеваний, я останавливаться не стану.

От Анны Григорьевны досталось не только немцам, но и швейцарцам: «Какие у них все рожи, у этих швейцарцев, такие глупые, просто страх смотреть, дети у них какие-то косоглазые, грязные, со старыми лицами, просто какие-то старики, а не дети» (с. 282). Хочется спросить у четы Достоевских: неужели дети петербургских трущоб, «униженные и оскорбленные», эти давнишние герои Достоевского, выглядели лучше швейцарских детей?

Неприязнь Анны Григорьевны к немцам была столь сильной, что когда немка-попутчица, ехавшая вместе с Достоевскими на поезде из Бадена в Базель, сказала Анне Григорьевне, что та похожа на немку, возмущению русской путешественницы не было предела: «...ишь, ведь вздумала мне сделать комплимент, — ведь это можно принять за грубость» (с. 228). В самом деле, разве не оскорбительно для нее встать на одну доску с немцами (по ее мнению, нацией дураков и мошенников). Есть от чего прийти в ярость. Таким образом, принадлежность к германской нации Анна Григорьевна считала чем-то позорным или, по меньшей мере, несравненно более низким, нежели принадлежность к русской нации.

Пренебрежительное отношение к немцам, взгляд на них свысока чувствуется в следующем эпизоде. 6(17) июля в Дрездене Анна Григорьевна посетила стенографическую библиотеку. Хозяин библиотеки, вице-президент дрезденского стенографического кружка, некто Цейбиг (Zeibig) и стенографист доктор Хайде (Haide) отнеслись к русской гостье с чрезвычайным вниманием: провели для нее нечто вроде экскурсии, показав многочисленные образцы разных типов стенографии и т. д. Какова же реакция русской стенографистки? «Потом я пришла домой, — пишет она, — рассказав Феде про немцев, очень смеялась над их наивностью» (с. 87). Впрочем, Цейбиг и доктор Хайде оказались среди немногих немцев, заслуживших похвалу Достоевских. Но и похвала эта весьма примечательна:

Федор Михайлович назвал Цейбига «очень хорошим, сердечным человеком», однако позднее прибавил, «что не любит немцев, исключая Zeibiga [так в тексте. — С. Б.] и того доктора [т. е. доктора Хайде. — С. Б.]» (с. 93, 94) Кроме них, похвалы Достоевских удостоилась пожилая чета попутчиков в дилижансе: эти люди столь трогательно ухаживали друг за другом, что, по словам Анны Григорьевны, они «примирили ее с прочими немцами» (с. 44). Чете русских путешественников также понравился некий молодой человек, который в ответ на безапелляционное заявление Федора Михайловича о том, «что нигде нет столько мошенников, как в Германии», не стал возражать и даже заметил, что его тоже, бывало, обманывали: «Вообще это, мне кажется, один из немцев, который не глупый патриот и не станет утверждать, что немцы решительно все честные люди», — замечает Анна Григорьевна (с. 229). Следовательно, человек, не заступившейся за свое отечество, когда на него грубо и несправедливо напал иностранец, показался Достоевским одним из самых приятных людей. Аналогичные нападки на Россию и русских со стороны немцев и швейцарцев встречали решительный отпор. Однажды в Женеве Достоевские познакомились с некой «мадемуазель Мари», шестнадцатилетней русской девушкой, работавшей в одном женевском пансионе. Мадемуазель Мари пожаловалась на то, что в пансионе преподаватели и воспитанницы плохо относятся к России, считают русский язык «диким», «говорят, что русские совсем без образования», оскорбляют православную церковь и т. п. Федор Михайлович посоветовал девушке немедленно покинуть пансион и вернуться на Родину, а Анна Григорьевна заметила, что «очень рада за нее, что она так не любит немцев и швейцарцев и так любит Россию» (с. 237, 238). Зато любившим свою родину немцам и швейцарцам крепко доставалось от Анны Григорьевны. На вокзале в Женеве она увидела следующую сцену: «...пришла целая толпа каких-то буршей с красными знаменами в руках, их было человек 35, все ужасные сапожники и, по-видимому, мазурики, но удивительно много о себе думающие, вообще что ничего нет лучше их отечества [очевидно, здесь имеется в виду их кантон. — С. Б.], а главное Швейца-

рии... Как мне все они противны, просто не знаю, как и сказать» (с. 374). И опять мы видим двойной стандарт: русский патриотизм вызывает у Достоевских одобрение, а швейцарский — отвращение и негодование (немцев, любящих свой фатерлянд, как мы помним, Анна Григорьевна называла «глупыми патриотами»).

С двойным стандартом связан и феномен предвзятости. Предвзятому (изначально негативно настроенному) человеку в глаза бросятся прежде всего дурные стороны объекта (в данном случае — человека, группы людей, народа), хороших же он просто не заметит. Более того, если с объектом, к которому человек испытывает антипатию, связан какой-либо положительный стереотип — он при первой же возможности постарается его опровергнуть. Сразу же по прибытии на землю Швейцарии Анна Григорьевна обратила внимание на порок, в котором при всем желании не могла упрекнуть немцев: «Среди моста... стояли два-три старика. Все они были ужасно пьяны и о чем-то спорили. Вот какова швейцарская свобода... вот тебе и раз, хороша свобода!» (с. 230). «Встретили ужасно много пьяных, — продолжает русская путешественница. — Однако ведь этот город Женева славится свободой, а оказывается, что свобода-то ее в том только и состоит, что люди все пьяные и горланят песни» (с. 238). И вновь мы видим те же особенности, что были характерны и для суждений о немцах: безапелляционность, стремление делать широкие выводы, опираясь на отдельные примеры, очевидное злорадство, стремление опровергнуть позитивный стереотип, связанный с именем данного народа, и поставить на его место негативный: «Так вот она, немецкая честность», «Так вот она, швейцарская свобода».

Конечно, в отношении к иностранцам между Анной Григорьевной и Федором Михайловичем были и некоторые отличия, связанные с особенностями характера великого писателя: «Федя начал по обыкновению ругать немцев» (с. 27), — сия фраза указывает на то, что бранил немцев автор «Неточки Незвановой» неоднократно. Даже вполне разделявшая убеждения мужа Анна Григорьевна призналась, что это и ей порядком наскучило (с. 7). Более того, Федор Михайлович находил

особое удовольствие в том, чтобы ругать немцев в глаза (с. 58). В некоторых случаях Анне Григорьевне даже приходилось защищать немцев, когда нападки на них становились особенно несправедливы (с. 23).

Раздражительность и вспыльчивость были присущи Достоевскому от природы, однако принципиально важно то, куда Достоевский направлял свой гнев. Как правило, гнев направляют на тот объект, который по какой-либо причине неприятен, на то, что вызывает раздражение. Поскольку Федор Михайлович направлял свой гнев на немцев, мы можем предположить существование у него (как и у его жены) какой-то особой, подсознательной неприязни к немцам. Таким образом, вспыхнувший гнев он направлял по подсознательно уже намеченному руслу.

И все же, как правило, у супругов в «национальном вопросе» не было особых расхождений: оба соглашались с тем, что хотя между немцами и «найдутся люди, которые будут не хуже русских, но в большинстве своем это ужасные мошенники» (с. 229). Эта цитата, на мой взгляд, служит выводом, органично следующим из всего того, что супруги Достоевские высказали о немцах.

В чем же причина этой непонятной, как будто немотивированной неприязни? Хотя о национализме Достоевского существует огромная литература, по которой уже можно выпустить многотомный библиографический справочник, сама проблема бытового национализма, рассматриваемая по отношению к Достоевскому и тем более к его супруге, не получила в литературе сколько-нибудь широкого освещения. Несмотря на то, что с 1923 г. дневник Анны Григорьевны считается одним из основных источников для исследования жизни и творчества Достоевского, исследователи, занимавшиеся изучением национализма Достоевского, в большинстве своем использовали в качестве источников его художественные произведения и публицистику (в особенности статьи, вошедшие в «Дневник писателя»). Это обусловило характер тех гипотез, что выдвигались для того, чтобы объяснить национализм Достоевского.

Ни идеологическими, ни мировоззренческими, ни культурными различиями нельзя объяснить феномен неприязни супругов

Достоевских к немцам и швейцарцам. Интересно, что в своей публицистике («Дневник писателя», «Зимние заметки о летних впечатлениях») Достоевский предстает мудрым и трезвым наблюдателем, который находит в Европе и дурные, и хорошие черты. Его критика может быть едкой, но всегда великолепно аргументированной и нередко справедливой. Он с неприязнью отзывается о буржуазных порядках, не обращая свой гнев на европейские народы. Сравним с этим грубые, ни на чем, кроме раздражения, не основанные нападки в дневнике. Ведь Федор Михайлович и Анна Григорьевна ругали немцев отнюдь не за индивидуализм, не за недостаток «духовного начала» (да и к чему было искать духовность в кельнере или квартирной хозяйке!), не за слабую религиозность. Нет! Они обвиняли немцев в том, что они, де, сплошь дураки и мошенники, уроды и пьяницы. Как видим, критика Достоевским немцев (и европейцев вообще) в публицистике и нападки на них в частной жизни принципиально отличаются друг от друга, хотя между ними, очевидно, и существует определенная связь.

В дневниковых записях Анны Григорьевны и в письмах Федора Михайловича мы не найдем неприязни к европейской культуре, к немецкой живописи, музыке, литературе. Нет! В них содержится нечто иное — неприязнь к самим немцам и швейцарцам, раздражение, переходящее в ненависть к ним. Отрицается не культура народа, а сам народ! Как мы убедились, в глазах Анны Григорьевны и Федора Михайловича немцы представляли нацией дураков, мошенников и калек. О соответствии этого образа реальности не может быть и речи. Рационального объяснения подобных взглядов, чувств, эмоций мы не нашли. В высказываниях Достоевских мы видим проявления некой иррациональной, немотивированной неприязни к немцам и швейцарцам вообще. Психологам известно, что если человек испытывает немотивированную неприязнь к другому человеку, то он, дабы оправдать свое чувство на уровне сознания, начинает внушать себе, что он не любит этого человека по какой-то причине — это рациональное обоснование чувства, ощущения, имеющего иррациональную природу. Видимо, в случае с Достоевскими мы имеем дело с похожим явлением. Природа этой

неприязни, как и природа бытового национализма, неясна. Ее нельзя объяснить «голосом крови», генетической ненавистью к представителям другого этноса. Расово-генетическая теория не может объяснить феномена неприязни к представителям другого этноса. Даже элементарных знаний по всемирной истории достаточно для того, чтобы понять, что на планете Земля практически нет «расово чистых» народов. Наш пример также свидетельствует против этой теории. Дело в том, что пламенная русская националистка Анна Григорьевна «по крови» не русская. Отец ее, Григорий Иванович Сниткин (настоящая фамилия — Снитко), происходил из украинских дворян, мать — Анна Мария Мильтонеус, шведка из финского Або. Однако Анна Григорьевна выросла преимущественно в русской среде, ни финского, ни шведского не знала и, несомненно, совершенно обрусела.

Как видим, речь идет о глубокой, иррациональной неприязни к представителям другого народа. Неприязнь Анны Григорьевны и Федора Михайловича Достоевских к немцам и швейцарцам — это проявление бытового национализма, который представляет собой особое умонастроение. Оно не привито искусственно, «сверху», а существует объективно как бессознательная антипатия к представителям другой нации и проявляется на бытовом уровне, т. е. при непосредственных контактах с ними.

Выводы, полученные нами, могут быть использованы в качестве рабочей гипотезы для исследования феномена бытового национализма на более обширном материале. Кроме того, мы имеем основания предположить, что в основе известного идеологического национализма Достоевского лежал все тот же бытовой национализм. Соотношение этих национализмов в мировоззрении писателя станет предметом наших дальнейших исследований. В заключение хочу привести фрагмент из письма Ф. М. Достоевского А. Н. Майкову от 31 декабря 1867 г. В этом письме, на мой взгляд, непосредственно представлен процесс трансформации бытового национализма в национализм идеологический: «О, если б Вы знали, как глупо, ничтожно и дико это племя [швейцарцы. — С. Б.]. Мало проехать путешествуя.

Нет, поживите-ка! Но не могу Вам теперь описать даже и вкратце моих впечатлений; слишком много накопилось... В управлении и во всей Швейцарии — партии и грызня бес-толковая, пауперизм, страшная посредственность во всем; ра-ботник здешний не стоит мизинца нашего: смешно смотреть и слушать. Нравы дикие, о если б Вы знали, что они считают хорошим и что дурным. Низость развития: какое пьянство, какое воровство, какое мелкое мошенничество, вошедшее в закон в торговле... В Германии меня всего более поражала глупость народа: они безмерно глупы, они неизмеримо глупы... все-таки наш народ безмерно выше, благороднее, честнее, наивнее, спо-собнее и полон другой, высочайшей христианской мысли, кото-рую и не понимает Европа с еедохлым католицизмом и глупо противоречащим самому себе лютеранством»⁷. По-моему, ком-ментарии здесь не требуются.

¹ Житомирская С. В. Дневник А. Г. Достоевской как историко-литератур-ный источник // Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. М., 1993. С. 399.

² Там же. С. 396—399.

³ Достоевская А. Г. Дневник. М., 1923.

⁴ Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. Далее при ссылке на этот источник в тексте в скобках указывается номер страницы.

⁵ Все время дрезденского периода поездки супруги находились вместе, за исключением 10 дней (5—15 мая), которые Федор Михайлович провел в Гам-бурге, куда приехал для игры в рулетку.

⁶ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 2002. С. 138.

⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Л., 1986. Т. 28, кн. 2. С. 243.

М. А. Оболонкова

Метаморфозы сознания европейских интеллектуалов в годы Первой мировой войны

В начале XX в. у многих современников создавалось впечат-ление, что «Европа превратилась в единый и блестящий орга-